

Не зная, добрые или злые намерения у незваного гостя, Мо Янь невольно задался вопросом: уж не враги ли это пожаловали по его душу? Аньин сейчас был не с ним, и Мо Янь прекрасно понимал, что в открытом бою ему не одолеть пришельца. Собравшись с мыслями, он решил потянуть время и вступить в переговоры.

— Ничего особенного, просто размышляю, что могло заставить вас взобраться на крышу моего дома. Неужели у вас есть столь странная привычка? — в его голосе сквозила явная насмешка.

— Ха-ха-ха...

Незнакомец вовсе не разозлился, напротив, он рассмеялся.

— На крыше господина Мо я оказался, разумеется, чтобы полюбоваться видами. А что касается странных привычек... пожалуй, они у меня и впрямь имеются!

В словах Цзюнь Тяньяо слышались игривые нотки, а двусмысленное выражение лица не оставляло сомнений в том, что именно он имел в виду. Мо Янь почувствовал досаду, смешанную со смущением, но виду не подал.

— В мире боевых искусств принято отвечать взаимностью. Раз уж вы узнали моё имя, не должны ли и вы представиться?

К удивлению Мо Яня, Цзюнь Тяньяо снова рассмеялся, ведя себя крайне развязно.

— Красавец не должен искажать истину, лишь бы прикрыть свою красоту. Я узнал, кто ты, собственными силами, так при чём здесь взаимность?

Ну и наглец, острый на язык! Мо Янь хоть и рассердился, но вынужден был признать, что доля правды в словах незнакомца есть. Он наполнил бокал Цзюнь Тяньяо и, решив проявить учтивость, представился сам:

— Прошу прощения за свою грубость. Моя фамилия Мо, имя Янь. А как мне величать вас?

Цзюнь Тяньяо осушил бокал одним махом и, вместо ответа, задал встречный вопрос:

— Ты из Усадьбы Тысячи Журавлей?

Видя, что гость не собирается открывать своё имя, Мо Янь решил подыграть ему:

— Вы всё ещё не ответили на мой вопрос.

Хотя он и попытался уклониться от темы, из-за недостатка опыта и неумения скрывать эмоции Цзюнь Тяньяо без труда прочёл подтверждение на его лице. Тот тихо усмехнулся, подумав про себя, что этот молодой господин довольно забавен. Однако отвечать он не стал, лишь снова наполнил свой бокал и принялся неспешно потягивать вино.

Поняв, что откровенности от гостя не дождаться, Мо Янь решил не тратить время попусту и выставил его за дверь:

— Раз уж вы не хотите представиться, полагаю, дружбы между нами не выйдет. В таком случае, прошу прощения, но вам пора.

Он направился в сторону дома, но стоило ему сделать два шага, как путь преградили. Цзюнь Тяньяо уже стоял прямо перед ним. Он протянул руку, обхватил Мо Яня за талию, притянул к себе и прошептал на ухо:

— Скоро, на кровати, ты сам узнаешь моё имя. И я надеюсь услышать, как ты выкрикнешь его!

Они были почти одного роста, и горячее, пахнущее вином дыхание обожгло губы Мо Яня, заставив его вздрогнуть. Цзюнь Тяньяо тихо рассмеялся, быстрым движением нажал на точку, лишая Мо Яня возможности двигаться, подхватил его на руки и, уже как хозяин положения, вошёл в дом.

В порыве страсти Цзюнь Тяньяо... Когда всё было кончено, Мо Янь лежал без сознания, а в уголках его глаз застыли слёзы. Неизвестно почему, но сердце Цзюнь Тяньяо болезненно сжалось, и он бережно стёр ещё не успевшую скатиться слезинку. Перед уходом он начертил на столе три иероглифа: Долина Яньюэ.

Привезя Мо Яня в Долину Яньюэ, Цзюнь Тяньяо поселил его в уединённом павильоне. Поначалу он не стал приставлять к нему никого, кроме нескольких служанок, не желая слишком сильно ограничивать его свободу. Но Мо Янь, привыкший с самого детства к всеобщему обожанию, не собирался мириться с ролью пленника.

Когда Мо Янь попытался сбежать в четвёртый раз, терпение Цзюнь Тяньяо лопнуло. Он жестоко наказал его, а после с помощью снадобий временно подавил его внутреннюю энергию и приставил к нему круглосуточную охрану, окружив павильон так плотно, что и муха не пролетела бы. Даже служанок он заменил на других.

С тех пор Мо Янь, казалось, смирился с судьбой и больше не пытался бежать.